

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

Он голубоглаз, строен. Судьба одарила его завидной внешностью романтического героя, дала приятный голос, талант. «Дин, — говорили ему коллеги и товарищи из Голливуда, когда он был в Америке последний раз (показывал им свой фильм «Эль-Кантор»), — если бы ты умел держать язык за зуба-

ми, ты мог бы сейчас быть звездой первой величины в американском кино». Держать язык за зубами. Это значит — молчать о том, что ты видишь: беззаконие, попрание элементарных прав чело-

века. Это значит — закрыть глаза на окружающие тебя убийства, насилия, ужас и боль тысяч людей.

Его песни о свободе и праве на нее каждого человека звучали на площадках и улицах, на митингах и забастовках. Дин Рид сам выбрал себе нелегкую судьбу борца и верен ей всю жизнь.

— Да, я был счастлив спеть ее с русскими людьми. В Высшей комсомольской школе я пел ее вместе с ансамблем политической песни, в телетатре — с ансамблем «Гренада». Вы, русские, совершенно особый народ, чужую боль и горе принимаете, как свои, и этим вы очень близки мне.

Я никогда не чувствовал себя в вашей стране иностранцем. Меня везде встречали с теплотой, дружбой, как родственника. В день приезда мы с друзьями обедали в ресторане, к нам подошли двое учителей из Баку и по-

раетесь ли вы стать автором еще какой-нибудь книги?

— Нет, к сожалению. Очень много времени требует работа актера и режиссера, приходится много ездить и выступать с концертами. Кажется, кто-то из ваших писателей сказал, что нельзя объять необъятного.

— Какие города, кроме Москвы, вы посетили?

— Я был в Ленинграде, в столицах союзных республик, а вот из северных городов побывал лишь в Новосибирске.

— Как вы относитесь к животным? — Не люблю, когда их убивают — ни в кино, ни в жизни.

Три года назад на рождество я был в Москве, и Сергей Образцов подарил мне щенка — помесь волка и лайки. Несмотря на столь странное смешение, это был поразительно добрый зверь. Когда я возвращался из поездов, он прыгал мне на колени и лизал меня, как будто хотел удостовериться, что я действительно приехал. К сожалению, мне пришлось расстаться с ним, потому что я и моя семья много путешествуем, а одного его не с кем оставить. Я отдал его рыбакам, своим хорошим друзьям, у которых часто бываю в гостях.

— Какие виды спорта вам особенно по душе? Занимаетесь ли вы спортом?

— В юности я был чемпионом Америки в марафоне, а в беге на 10 миль даже поставил рекорд. Всегда любил гимнастику, особенно упражнения на кольцах. Стараюсь отводить ежедневно время для спорта, бега. Люблю ездить на лошади — я ведь десять лет был ковбоем. Во всех фильмах снимался без дублеров, все трюки исполняю сам и надеюсь и в дальнейшем не прибегать к помощи каскадеров.

— А как же прыжки с парашютом? В газетах писали, что вы прыгали...

— Поверьте, это недоразумение. Однажды, правда, меня снимали для телевидения Аргентины и почему-то им захотелось снять меня с парашютом. Я сопротивлялся, и меня буквально силой выпихнули из самолета. Открыл глаза — кругом пустота, а внизу земля. Более жуткого ощущения я в своей жизни не помню. Так что относить парашют в ряд моих любимых развлечений было бы сильным преувеличением...

— Дин, какие качества вы больше всего цените в людях?

— Доброту, искренность, чувство справедливости. Насколько я знаю русских людей, все эти качества в полной мере присущи вам. Особенно я ощутил это в дни своего тюремного заключения. Благодаря вашей поддержке и солидарности я и мои друзья сейчас свободны.

Дин Дина Рида в Москве были до предела насыщены встречами. И везде, где он бывал, он искренне благодарил советских людей за помощь и поддержку. И много пел.

О. БЕЛАН.

ОБРЕТЕШЬ В БОЮ

— Я ненавижу несправедливость, ненавижу войну, угнетения, я готов отдать жизнь за свободу. Многие не понимали меня, когда я встал в ряды демонстрантов-фермеров в Миннесоте. Я пел им песни о свободе, поддерживал в них дух борьбы за свои права.

— Дин, что вы можете сказать о свободе художника в капиталистическом обществе?

— Видите ли, это очень сложный вопрос. Я попробую высказать свое мнение, только свое: вот как я, Дин Рид, понимаю это. В Америке очень любят говорить о свободе: у нас-де каждый талантливый человек может делать свое дело совершенно свободно. Но я знаю, что это не так. С детства в самых талантливых детях в первую очередь воспитывают способность молчать. Будешь молчать — добьешься всего — вот главная формула конформизма.

Конечно, есть художники, которые выступают против войны, дискриминации индейцев, за равенство — Джейн Фонда, Марлон Брандо, Джоан Бааз — этих людей я безгранично уважаю. Но ведь открыто высказывать свои взгляды они стали уже будучи всемирно известными артистами. Я насколько не умаляю их заслуг, я хочу сказать только одно: начинать свою жизнь художник все-таки вынужден с молчания — это ли не трагедия для личности?

— Вы показывали свой фильм «Эль-Кантор» студентам Миннесотского университета. Как они приняли его?

— Очень тепло. Правду о Чили в Америке мало кто знает, а я стремился сделать его правдивым. Это было очень нелегко. Я хорошо знал Виктора Хару, он был моим другом, единомышленником. Но мне было важно

показать его не только как личность, но и рассказать о его героической смерти, об ужасе фашизма. Я встречался со многими чилийцами, сумевшими вырваться на Кубу, в Советский Союз из ада застенков. Для этого выезжал в разные страны, в том числе я специально ездил в Лондон, где живет вдова Виктора с детьми. Она понимала всю важность моей работы и мужественно согласилась ответить на все мои расспросы. А меня интересовало буквально все: как он относился к жене, в какие игры любил играть с дочерьми... Джоан часто начинала плакать, а я клял себя за эти вопросы...

Многие говорили, что перед смертью Виктор играл на гитаре. Мне кажется, это легенда, полицейские не позволили бы ему даже взять гитару. Впрочем, это не важно. Главное — он погиб за свой народ, за свободу своего народа. Если б мне пришлось выбирать, как бы я хотел умереть, я бы предпочел такую смерть.

Чили занимает в моей жизни совершенно особое место. Я много раз был там, извездил страну вдоль и поперек, много пел на фабриках, в деревнях. Чилийцы дали мне столько, сколько не уместится в одну жизнь. Переворот в Чили стал для меня личной трагедией, я должен был сделать что-то для этого народа. Вот почему я снял этот фильм, дал много концертов в фонд солидарности с народом Чили, вот почему во все свои выступления включаю песню «Венсеремос».

— Вы пели ее и в Москве...

ставили на наш стол банку со свежими огурцами. Переводчик мне передавал, что они очень переживали, когда мы в тюрьме объявили голодовку, и хотят, чтобы я ел больше витаминов. Представляете, это ведь были совершенно чужие, не знакомые мне люди! Поверьте, ни в какой другой стране такого не могло произойти.

А сколько значков, ручек, сувениров получил я за эти дни встреч с москвичами. Все стремились как-то выразить свои чувства ко мне, и я счастлив передать через вашу газету низкий поклон всем молодым москвичам, с таким теплом встречавшим меня.

— Молодежь не может жить без кумиров, без идеалов. Что вы думаете на этот счет?

— Вообще-то я против кумиров. У нас в Америке насильно насаждаются кумиры — этакие супермены, модные певцы, киногерои. Может быть, поэтому я так отрицательно отношусь к кумирам вообще. Но надо быть справедливым: молодежь всегда ищет идеал, некий абсолют. Но, черт возьми, ведь есть же на земле люди, которые достойны поклонения! Пусть они будут кумирами молодежи — Че Гевара, Виктор Хара, Юрий Гагарин... Примером для подражания должен стать человек — национальный герой, борец. Но вот только слово «кумир» уж очень им не подходит...

— Мы знаем, что вы написали книгу «Мои друзья — индейцы». Соби-

Мечтаю увидеть Сибирь. И, думаю, моя мечта скоро исполнится. В Москве я был принят в ЦК ВЛКСМ, беседовал с первым секретарем ЦК Б. Н. Пастуховым. Он от имени молодежи вашей страны пригласил меня в поездку по молодежным стройкам Сибири и Дальнего Востока. Конечно, я буду там выступать с концертами, буду снимать фильм, буду знакомиться с молодыми строителями.

— Известно, что вы работаете над сценарием нового фильма.

— Да, он будет называться «Ковбой». Там три главных героя — двое мужчин и одна маленькая девочка.

— Не связано ли это с тем, что нынешний год — год ребенка?

— Нет, это случайное и даже забавное совпадение. А в год ребенка я тоже внесу свой вклад — в социальных странах, на гастроли, куда я собираюсь по возвращению из Москвы, я дам концерты в фонд защиты детей.